

Вербализация эмоций в немецкоязычных интервью-воспоминаниях

А. В. Анищенко¹, В. Д. Диденко²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

allan031@yandex.ru

²Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия

wikadidenko@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются языковые репрезентации эмоций очевидцев значимых событий немецкой истории XX в. Исследование проводится на материале немецкоязычных воспоминаний-интервью, размещенных на портале www.zeitzeugen-portal.de в рамках государственного проекта, ориентированного на формирование коллективной памяти. При помощи количественного и контекстного анализа авторы исследуют способы вербализации таких эмоциональных состояний, как *страх, радость, печаль, надежда*. Выявляются события, вызвавшие эти эмоции; подчеркивается роль эмотивов в фиксации и трансляции значимых событий истории Германии.

Ключевые слова: коллективная память, Oral History, воспоминания-интервью, репрезентация эмоций, эмотив

Для цитирования: Анищенко А. В., Диденко В. Д. Вербализация эмоций в немецкоязычных интервью-воспоминаниях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11 (866). С. 9–15. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_9

Original article

Verbalization of Emotions in German Oral Memories

Alla V. Anishchenko¹, Victoria D. Didenko²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, allan031@yandex.ru

²MGIMO University, Moscow, Russia, wikadidenko@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of verbal representations of the eyewitnesses' emotions concerning significant events in the German history of the 20th century. The study is conducted on the material of German-language oral memories from the website www.zeitzeugen-portal.de which is a part of a state project aimed at forming collective memory. With the help of quantitative and contextual analysis, the authors explore ways of fixing such emotional states as fear, joy, sadness, and hope. As result, the events that caused these emotions are identified; the role of emotives in recording and broadcasting significant events in the history of Germany is emphasized.

Keywords: collective memory, Oral History, oral memories, representation of emotions, emotive

For citation: Anishchenko, A. V., Didenko, V. (2022). Verbalization of emotions as reaction to historical events. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(866), 9–15. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_11_866_9

ВВЕДЕНИЕ

В современном научном дискурсе нельзя не отметить рост числа узкоспециальных и междисциплинарных исследований, направленных на различные аспекты формирования коллективной и культурной памяти нации. В обществе, существующем в условиях взаимодействия культур, где в контексте индивидуальной и коллективной идентичности поднимаются вопросы легитимности политических режимов, идеологического манипулирования, моральных аспектов прошлого и его влияния на настоящее, задачи фиксации и трансляции коллективной памяти как культурной национальной ценности выходят на государственный уровень и реализуются в форме государственных проектов. В этой связи тема языковой реализации эмоциональной экспрессии, вызванной важнейшими национально значимыми событиями, является актуальной и требующей научной разработки.

Исследование интервью с очевидцами важнейших событий немецкой и в целом европейской истории, инспирировано публикациями, связанными с социокультурными и культурологическими исследованиями последних лет Я. Ассманна (1992), А. Ассманн (2007), П. Нора (1999), П. Х. Хаттон (2003), М. Хальбвакс (2005), изучающими различные формы памяти: культурной, исторической, социальной, коллективной и др. Воспоминания, зафиксированные при помощи аудиовизуальных средств, являются одним из новых видов исторических источников, сбором и сохранением которых занимается относительно молодая отрасль научных исследований – устная история (Oral History). Ученые, разрабатывающие это направление, ищут ответы на вопросы: как из поколения в поколение передаются воспоминания и как они изменяются; как взаимодействуют горизонты памяти различных поколений; что влияет на статус воспоминания в памяти поколений? [Ассман, 2019].

Коллективная память формируется судьбоносными событиями прошлого, воспоминания о которых сохраняются и передаются будущим поколениям. В настоящее время всё сильнее проявляется тенденция исследовать исторически и культурно значимые процессы в прямой связи с личными переживаниями свидетелей-современников исторических событий. Зафиксированные на информационном носителе, они становятся достоянием всего социума и составляют основу коллективного знания. Индивидуальные воспоминания не существуют как закрытые системы, а соприкасаются, усиливаются, пересекаются, модифицируются, поляризуются в социальной реальности с другими воспоминаниями и импульсами забывания, они

могут быть переведены в коллективную память, принимающую форму, которую можно транслировать дальше. Исторические события формируют сознание всего поколения, они сохраняются в памяти и потом могут быть вновь актуализированы в качестве воспоминаний. Индивидуальные и коллективные воспоминания всё меньше и меньше признаются спонтанными, естественными или священными актами и всё больше и больше признаются социальными и культурными конструкциями, которые со временем изменяются и приобретают свою собственную историю [там же]. Таким образом, в контексте исторических событий, затрагивающих всех представителей определенного лингвосоциума, память перестает быть индивидуальной и становится культуuroобразующей.

Очевидно, что индивидуальные воспоминания о событиях, связанных с сильными эмоциональными переживаниями, запечатлеваются в памяти особенно глубоко. Какие же эмоции хотят зафиксировать в коллективной памяти и передать будущим поколениям свидетели исторических событий? Какие события вызвали у них наибольший эмоциональный отклик? На эти вопросы мы хотим попытаться дать ответ в предлагаемом исследовании, цель которого – выявление вербальных репрезентантов эмоций в интервью-воспоминаниях об исторических событиях XX века и соотнесение их языковых средств с описываемыми историческими процессами и ситуациями.

ЭМОТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В последние годы современная лингвистика интенсивно занималась прагматическими, грамматическими, семантическими и когнитивными вопросами вербализации эмоций, однако важные лингвистические темы и, в частности, междисциплинарные аспекты исследования эмоций, как отмечает М. Шварц-Фризель, требуют более тщательного анализа. Она выделяет один из важных аспектов языковой эмоциональности, а именно: вопрос о вербальном моделировании эмоций в теориях памяти [Schwarz-Friesel, 2007].

Интервью с очевидцами исторических событий в рамках устной истории (Oral history) зарекомендовало себя как эмоциональный формат, который может активировать определенные эмоции и реакции у реципиента в отношении важных моментов истории. Хотя эмоциональные состояния не могут быть вызваны намеренно, это не относится к эмоциям, связанным с событиями, хранящимися в памяти. В интервью с очевидцами событий истории интервьюер, задавая вопросы, может реактивировать

чувства, которые протагонист испытал когда-то в прошлом. Эти вопросы заранее прорабатываются интервьюером, согласовываются с интервьюируемым, но остаются скрытыми от массового реципиента, хотя легко могут быть реконструируемы из текста интервью. Из этого следует, что интервью-воспоминание не является спонтанным и должно быть подготовлено заранее и обработано после завершения для размещения на сайте. Хотя интервьюер контролирует или даже помогает формировать процесс воспоминания посредством заранее сформулированных вопросов и стимулирующих реплик, его активное участие часто остается скрытым от массового реципиента. При подготовке интервью с очевидцем запланированные вопросы предоставляются интервьюируемому, чтобы он мог лучше подготовиться к ответам. Перед самим интервью проводится короткая предварительная беседа для создания непринужденной атмосферы. В то же время, модератор дает интервьюируемому достаточно свободы и возможность включить в разговор важные вопросы и темы. Необходимо отметить, что автор текста / журналист при редактировании интервью впоследствии делает акцент на номинациях эмоциональных состояний, формулируя заголовок или подзаголовок-аннотацию (Lead) для размещения на сайте и фокусируя тем самым внимание реципиента – потенциального зрителя интервью – на важной эмоции.

Заголовки и лиды к интервью очевидцев рассматриваются нами как тексты с высоким эмоциональным потенциалом. В то же время, они выступают как эмотивные контексты, то есть контексты, в которых вербализуется эмоция и которые дают возможность определить объект / триггер эмоции и характер эмоциональной реакции.

Существенным положением для анализа является наличие внутритекстовой связи между заголовком, лидом и собственно текстом интервью очевидца исторического события, который, в отличие от заголовка и лида, не зафиксирован письменно, а излагается в устной форме и представлен в режиме видеointerview. Важно подчеркнуть, что заголовок и лид, которые позволяют реципиенту ориентироваться в размещенной на портале информации, выступают как вторичные тексты, созданные разработчиками проекта. Заголовки, выполняющие информационно-селективную функцию, обращены непосредственно к массовому реципиенту и привлекают его внимание. Лид представляет интервью в сжатой форме и дает краткое изложение его содержания. Заголовок и лид, авторами которых не являются сами интервьюируемые, формируются на основе интервью модераторами проекта, которые не могут при этом не учитывать его цели и задачи, в

том числе задачи по формированию определенного отношения реципиента к событиям и процессам национальной истории.

Анализ материала исследования показал, что многие заголовки и лиды ссылаются на эмоциональные состояния, которые испытывали интервьюируемые по отношению к событиям, о которых они рассказывают. Данный факт находит свое объяснение в политике проекта по обработке воспоминаний. В процессе переписки с организаторами проекта нам удалось выяснить, что все потенциально эмоциональные моменты заранее согласовываются с интервьюируемым с целью создания наиболее комфортной для откровенной беседы атмосферы. Кроме того, если в результате беседы интервьюируемый попадает в уязвимое эмоциональное состояние, то данный фрагмент вырезается из разговора в процессе редактирования и не включается в итоговую версию интервью. Очевидно, что интервьюеры могут сознательно определять ключевое настроение видеотрейнера, что не может не сказываться на его восприятии зрителями, и, следовательно, имеет воздействие на процесс формирования коллективной исторической памяти.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ И АЛГОРИТМ АНАЛИЗА

Для лингвистического анализа был выбран веб-сайт www.zeitzeugen-portal.de, на котором размещены интервью очевидцев исторических событий в Германии XX–XXI веков. Портал приглашает всех интересующихся историей, в том числе школьников и студентов, преподавателей и ученых, заглянуть в прошлое и «открыть для себя малые и большие события немецкой истории»¹ через рассказы очевидцев.

Целью финансируемого государством проекта является фиксация интервью в видео- и аудиоформате, их систематизация, обеспечение их доступности для современников и потомков. Таким образом передается из поколения в поколение и закрепляется в коллективной памяти нации история страны. Благодаря цифровым средствам фиксации и трансляции информации стирается грань между прошлым и настоящим, прошлое становится активной частью культуры. В настоящее время портал содержит около 8 тыс. отдельных клипов. Среди них около 40 интервью с видными фигурами современной немецкой истории (например, Гельмутом Колем, Гельмутом Шмидтом, Вольфгангом Штресманном, Гюнтером Шабовски и другими представителями немецкой истории и культуры).

¹ URL: <http://www.zeitzeugen-portal.de/ueber-uns>

Каждое размещенное на портале интервью имеет четкую структуру и содержит имя интервьюируемого, год рождения, а также название и лид (Lead) – подзаголовок-аннотацию. Рассказы очевидцев охватывают XX и начало XXI века: от Первой мировой войны до наших дней. К ним можно получить доступ через три представленных на сайте раздела: «Эпохи» («Zeiträume»), «Темы» («Themen») и «Личности» (Personen).

В эмотологии под выражением эмоций понимается их непосредственное речевое проявление, производимое при помощи специфических единиц – эмотивов, семантика которых «индуцирует эмоциональное отношение» [Шаховский, 1987] к обозначаемому объекту действительности. Как правило, эмоции вербализируются в форме:

- номинаций, обозначающих / называющих реакцию или внутреннее состояние (*страх, интерес, радость, гнев* и др.);
- дескрипций, описывающих внутренние процессы или признаки их выражения (*плакать, смеяться, краснеть* и т. п.);
- экспликаций, вербализующих непосредственные эмоциональные реакции (*ура, увы, браво* и др.)

В данном исследовании мы предпринимаем анализ номинаций эмоций, т. е. лексем, называющих эмоции.

Поскольку в немецком языке насчитывается более четырехсот лексем, обозначающих эмоциональные состояния [Dornseiff, 2004] и анализ всех номинантов эмоций не представляется возможным, мы ограничимся в данной работе несколькими из них. Рассмотрим наиболее частотные в исследовательском корпусе номинанты негативных и позитивных эмоций: *страх и грусть (Angst / Furcht и Trauer)*, *надежда и радость (Hoffnung und Freude)*.

На первом этапе анализа были отобраны интервью, содержащие существительное, называющее эмоцию:

- а) в заголовке интервью-воспоминания, например:

Christa Schirg: Leben in Angst – жизнь в страхе;
Nina Neufeld: Freude ohne Ende – радость без конца;

Roswitha Klekottka-Last: Trauer und Furcht –
печаль и страх;

- б) в лиде интервью-воспоминания, например:

Walther Hofer: Der damalige Schüler und spätere Historiker Walther Hofer fürchtete nicht nur das deutsche Militär, sondern auch die NS-Propaganda. Vor allem die Angst um die

Existenzberechtigung der Schweiz prägte das Klima in Bevölkerung¹. – Историк Вальтер Хофер, в то время школьник, боялся не только немецких военных, но и национал-социалистической пропаганды. Прежде всего страх за право Швейцарии на существование определял настроение населения².

Ella Steingraber: Im Frühjahr 1969 konnte die Bessarabien-Deutsche Ella Steingraber zusammen mit ihrem Sohn endlich in die Bundesrepublik ausreisen. Sie beschreibt, wie unermesslich groß die Freude darüber war³. – В начале 1969 года Элла Штайнгрэбер, немка бессарабского происхождения, удалось, наконец, вместе с сыном эмигрировать в ФРГ. Она описывает, какой неизмеримо большой была радость по этому поводу.

Edelgard Grothey: Mit drei Jahren kommt das ostpreußische Flüchtlingskind Edelgard Grothey ins Grenzdurchgangslager Friedland. Sie erinnert sich an eine bedrückende Situation und Verzweiflung in den Gesichtern der Menschen. – В три года дочь беженцев из Восточной Пруссии, Эдельгард Гротей, попадает в приемный пограничный лагерь Фридланд. Она вспоминает гнетущую обстановку и отчаяние на лицах людей.

На втором этапе определялось, на какой объект / событие направлены эмоции и / или факторы, провоцирующие эти эмоции. С помощью количественного и контекстного анализа выявлялось, какие эмоции встречаются в данных воспоминаниях и какими языковыми средствами они реализуются.

Следует отметить, что языковые средства, транслирующие эмоциональные состояния, могут быть сгруппированы в пределах лексико-семантических полей, где номинанты эмоций образуют ядерные зоны. Помимо базовых лексем *Angst* и *Furcht*, в лексико-семантическое поле «страх» могут войти также обозначающие разную степень аналогичного отрицательного эмоционального состояния единицы: *Ängstlichkeit, Scheu, Beklemmung, Bangigkeit, Schreck / Schrecken, Entsetzen, Furcht, Grausen, Gräuel, Panik*. Наряду с лексемой *Trauer* в лексико-семантическое поле «грусть» войдут: *Traurigkeit, Trübsal, Betrübnis, Kummer, Elend, Leid, Schwermut, Gram, Sehnsucht, Unglück, Seelenschmerz, Leidwesen*. Диапазон обозначений положительного эмоционального состояния *радости* – приподнятости и внутренней бодрости – также достаточно широк

¹ URL: <https://www.zeitzeugen-portal.de/videos/o4YinjK8pqY>

² Эд. и далее перевод наш. – В. Д.

³ URL: <https://www.zeitzeugen-portal.de/videos/h9r5RgjnRi8>

и представлен в немецком языке следующими существительными: *Begeisterung, Behagen, Glück, Freudigkeit, Frohmüt, Frohsinn, Fröhlichkeit, Glückseligkeit, Heiterkeit, Vergnügen, Triumph*. Пространство вокруг ядра лексико-семантического поля «надежда» в значении ожидания чего-либо благоприятного, радостного включает такие лексемы, как *Erwartung, Glaube, Traum, Wunsch, Hoffnungsstrahl, Hoffnungsschimmer, Zuversicht, Optimismus, Chance, Aussicht, Perspektive*.

Анализируя приведенные выше лексемы с точки зрения теории прототипов и принимая во внимание признаки, характерные для каждой из соответствующих групп, можно выделить *страх* как наиболее типичный пример (прототип) негативного эмоционального состояния угрозы; *грусть* как отражение состояния подавленности, *радость* как наиболее характерный пример (прототип) положительного эмоционально-приподнятого настроения и счастья, *надежду* как наиболее яркое отражение состояния ожидания [Анищенко, 2019; Анищенко, 2020]. Для анализа были отобраны именно эти номинанты эмоций (*Angst / Furcht, Trauer, Freude, Hoffnung*) как наиболее типичные для своей категории.

Другим основанием для выбора в качестве объектов анализа вышеперечисленных лексем является то, что в большинстве теорий [Izard, 1991; Schwarz-Friesel, 2007] эмоции *страх, радость, печаль / горе-страдание и интерес-волнение* относят к базовым эмоциям. Кроме того, данные эмоции можно квалифицировать как эмоции, связанные с конкретным событием [Ortony, Clore, Collins, 1988]. Эти эмоции оцениваются с точки зрения желаний и целей человека и представляют собой внутренние состояния и чувства, вызванные событиями или явлениями.

Возникновение эмоции *надежда* связано с ценностью исторического события, поскольку указывает на важность его последствий не только для интервьюируемого, но и зачастую всего лингвосоциума. *Страх* обусловлен ожиданием нежелательного события, *печаль* появляется как реакция на неудовлетворенность результатами события. В *радости* актуализируется положительное значение рассматриваемого события. При этом, событие, вызвавшее соответствующую эмоцию, является одновременно как объектом, так и причиной / триггером этой эмоции.

ЛЕКСЕМЫ *ANGST / FURCHT, TRAUER, HOFFNUNG, FREUDE* В ЗАГОЛОВКАХ И ЛИДАХ УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В проанализированных заголовках и лидах интервью, размещенных на портале www.zeitzeugen-portal.de, в 163 случаях встречается лексема *Angst*, в десяти контекстах фигурирует лексема *Furcht*, в десяти – лексема *Trauer*, обнаружено 40 эмотивных контекстов с лексемой *Freude* и 66 контекстов с лексемой *Hoffnung*.

Анализ выявленных эмотивных контекстов показал, что лексемы *Angst / Furcht, Trauer* встречаются при анонсировании (в заголовках) и в кратком описании перед самим интервью (в лиде) о следующих исторических событиях:

1) приход нацистов к власти. Это страх перед шествиями национал-социалистов (*Angst vor Aufmärschen der Nationalsozialisten*); страх быть арестованным (*Angst vor einer Verhaftung*); страх перед расовыми репрессиями (*in stetiger Angst vor den rassistischen Repressionen*); страх перед солдатами СА и СС, перед гестапо (*Angst vor SA- und SS-Männern, Angst vor der Gestapo*) и т. д.;

2) окончание Второй мировой войны и связанная с этим событием оккупация территории Германии войсками Советского Союза, Франции, Великобритании и США. В этих интервью очевидцы исторических событий сообщают о своем страхе перед русскими, в частности перед солдатами Красной Армии (*Angst vor den Russen, Angst vor Rotarmisten*), о страхе перед солдатами союзных армий (*Angst vor Marokkanern, Angst vor de Gaulle*), о том, что страх перед русскими сильнее, чем страх перед американцами (*mehr Angst vor den Russen als vor den Amerikanern*);

3) возведение Берлинской стены и бегство из ГДР. События, связанные с этим периодом, воспринимались немцами со слезами на глазах (*mit Tränen in den Augen*); повергали людей в состояние страха и ужаса (*in Angst und Schrecken versetzt*), которое было вызвано неизвестностью и неопределенностью будущего (*Angst vor dem Unbekannten*), возможностью и вероятностью преследований и арестов (*Angst hatte, erneut von der Stasi entführt zu werden*);

4) конец социалистической эпохи и падение Берлинской стены. Это время страданий и счастья (*eine Zeit des Leidens und Glücks*). Страх осенью 1989 года (*die Angst im Herbst 1989*) был вызван тем, что правительство ГДР по примеру Китая отреагирует насилием на происходящие волнения (*die Angst, dass die DDR-Staatmacht nach chinesischem Vorbild mit Gewalt reagieren würde; Gewalt gegen die eigenen Landsleute anwenden; die Angst vor Gewaltanwendung im Verlauf der Friedlichen Revolution*).

Достаточно многочисленны интервью, где очевидцы событий немецкой истории делятся своей радостью (*Freude*), при этом, большая часть употреблений лексемы *Freude* (32 из 40) встречается не в самих заголовках к интервью очевидцев,

а в лидах. Это, прежде всего, эмотивные контексты, отражающие воссоединение Германии. Люди испытывали огромную радость по случаю падения Стены (*riesengroße Freude über Mauerfall*); они радовались тому, что могут быть причастными к процессу воссоединения и разделить свою радость с другими (*die Freude darüber, den Einigungsprozess mitgestalten zu können; die Freude der Menschen miterleben*). Это чувство характеризуется ими как необузданная, безграничная радость (*ausgelassene Freude; grenzenlose Freude*). Высшая степень проявления данной эмоции прослеживается в интервью о падении Берлинской стены, где наряду с лексемой *Freude* встречается лексема *Euphorie*, обозначающая восторг, состояние сильного душевного подъема (*Euphorie nach dem Mauerfall, Euphorie angesichts der deutschen Einheit*). В контекстах, описывающих послевоенные годы, лексема *Freude* встречается в сочетаниях *Freude machen* (доставлять радость), *Freude schenken* (дарить радость), где протагонисты говорят о «маленьких радостях» жизни.

Особенностью функционирования лексемы *Hoffnung* (надежда) является то, что она встречается равномерно при описании всех исторических периодов и связана, как правило, с лично значимыми ситуациями: надеждой на встречу с близкими (*Hoffnung auf Heimkehr*), надеждой на изменения и лучшие времена (*Mit dem Kriegsende verband sie die Hoffnung auf bessere Zeiten; Hoffnung auf Veränderungen*), надеждой на выкуп из тюрьмы в ГДР (*Hoffnung auf Freikauf*) или на спасение после аварии на шахте (*Hoffnung durch das Licht der Taschenlampe*).

Использование данной лексемы также может быть связано с именами тех людей, которые олицетворяли собой надежду: Фридрихом Эбертом (*Friedrich Ebert als Hoffnungsträger*), Джоном Кеннеди (*große Hoffnungen in den charismatischen US-Präsidenten*), Михаилом Горбачевым (*Hoffnungsträger Gorbatschow*).

Таким образом, представляется возможным проследить связь между мировыми историческими событиями XX века, их местом в истории Германии и отношением интервьюируемых как представителей немецкого лингвосоциума к этим событиям. Данное отношение находит свое отражение в эмоциональной оценке, репрезентантами которой являются среди прочих средств эмоциональной выразительности лексемы-номинанты. Лексемы *Angst / Furcht, Trauer*, сопровождающие «темные» страницы немецкой истории, *Freude* является лидером по частотности упоминаний в отношении позитивных исторических моментов, тогда как лексема *Hoffnung*, с одной стороны,

олицетворяющая тревогу за настоящее, а с другой – веру в позитивное будущее, встречается в обоих типах контекстов и связана с широким спектром исторических и индивидуально значимых событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, воспоминание выступает как реконструируемый через призму индивидуального, часто эмоционально окрашенного восприятия фрагмент национальной истории.

Воспоминания разных людей, принадлежащих к одному поколению, характеризуются выражением сходных или одинаковых эмоций, связанных с конкретными событиями. Индивидуальные воспоминания, которые собираются, сохраняются и передаются в рамках проекта, поддерживаемого государством, переходят из категории частного в категорию социального. Поскольку они публично реконструируются и транслируются в рамках государственного проекта, они могут воздействовать на коллективное знание о прошлом и становиться частью культурной памяти нации.

Описывая события прошлого и давая им оценку, очевидцы актуализируют пережитые ими эмоциональные состояния, среди которых наиболее частотными являются эмоции *страха, грусти, надежды, радости*. Использование соответствующих лексем *Angst / Furcht, Trauer, Hoffnung, Freude*, согласно проведенному анализу, связано с важнейшими событиями немецкой истории, ознаменовавшими переломные моменты в истории нации, повлиявшими на образ жизни и быт каждого ее представителя и оставившими глубокие эмоциональные следы: приход Гитлера к власти, окончание Второй мировой войны, возведение и падение Берлинской стены.

Реципиенты переживают чувства и эмоции, описываемые очевидцами событий прошлого, и принимают таким образом участие в погружении в историческое событие и его реконструкцию в коллективной памяти. Эмоции обеспечивают сохранение опыта прошлого в памяти человека, а повторение эмоциональной оценки события в воспоминаниях разных свидетелей формирует картину эпохи в культурной памяти лингвосоциума.

Лингвистический анализ эмоциональных оценок позволяет изучить и сравнить отношение членов лингвосоциума к различным событиям истории. Полученные данные могут быть использованы для определения места исторических событий в самосознании нации, а также для изменения статуса событий в памяти лингвосоциума.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
2. Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen und Basel: A. Francke Verlag, 2007.
3. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987.
4. Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 8., völlig neu bearbeitete und mit einem vollständigen alphabetischen Zugriffsregister versehene Auflage von Uwe Quasthoff. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2004.
5. Анищенко А. В. О влиянии информационной коммуникационной среды на процессы концептуализации эмоций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 11 (827). С. 9–19.
6. Анищенко А. В. Репрезентация эмоции ужаса в немецкой и русской лингвокультурах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 2 (831). С. 21–29.
7. Izard C. E. The psychology of emotions. London: Plenum Press, 1991.
8. Ortony A., Clore G. L., Collins A. The cognitive structure of emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

REFERENCES

1. Assmann, A. (2019). Zabveniy istorii – oderzhimost' istoriyey / per. s nem. B. Khlebnikov = Forgetting history – obsession with history. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.)
2. Schwarz-Friesel, M. (2007). Sprache und Emotion. Tübingen und Basel: A. Francke Verlag. (In Germ.)
3. Shakhovskiy, V. I. (1987). Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka = Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language. Voronezh: Publishing house of Voronezh University. (In Russ.)
4. Dornseiff, F. (2004). Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 8., völlig neu bearbeitete und mit einem vollständigen alphabetischen Zugriffsregister versehene Auflage von Uwe Quasthoff. Berlin, New York: Walter de Gruyter. (In Germ.)
5. Anishchenko, A. V. (2019). On the influence of information and communication environment on the processes of conceptualization of emotions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11 (827), 9–19. (In Russ.)
6. Anishchenko, A. V. (2020). Horror emotion representation in German and Russian linguocultures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (831), 21–29. (In Russ.)
7. Izard, Carroll E. (1991). The psychology of emotions. London: Plenum Press.
8. Ortony, A., Clore, G. L., Collins, A. (1988). Cambridge: The cognitive structure of emotions. Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анищенко Алла Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета

Диденко Виктория Дмитриевна

преподаватель кафедры немецкого языка факультета международных отношений
Московского государственного института международных отношений МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anishchenko Alla Valerievna

PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of German Lexicology and Stylistics,
Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Didenko Victoria Dmitrievna

Lecturer at the Department of the German language, Faculty of International Relations, MGIMO University

Статья поступила в редакцию 11.07.2022
одобрена после рецензирования 12.08.2022
принята к публикации 14.09.2022

The article was submitted 11.07.2022
approved after reviewing 12.08.2022
accepted for publication 14.09.2022